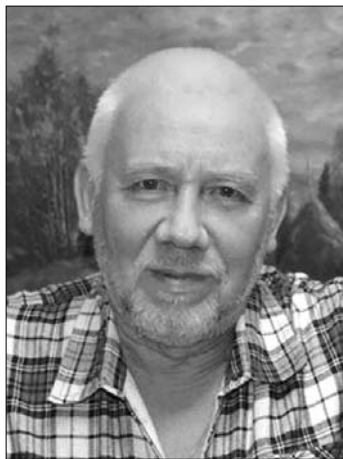

ВАЛЕРИЙ ФОКИН

ЭТО ВРЕМЯ ЛЕДЯНЫХ ЦВЕТОВ

ПОЗДНИЙ ЗАМОРОЗОК

На ветру не надо зябких слов:
выдюжим, ведь всё-таки нас — двое...
Это время ледяных цветов
или просто время ледяное.

И не ради красного словца
обещаю: выстоим в метели,
лишь бы наши души и сердца
в эту пору не заледенели.

И от их тепла
и там,
и тут,
словно в сказке забытой книжки,
нам на радость снова расцветут
самые невзрачные ледышки.

ФОКИН Валерий Геннадьевич родился в 1949 году в вятском селе Пищалье. Выпускник семинара Ю. П. Кузнецова на ВЛК. Автор тринадцати поэтических сборников, книги прозы "Всего-навсего" и документального издания "Вятская гармоника". Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Николая Заболоцкого, премии "Нашего современника"-2019. В 2014 году после речной аварии стал инвалидом. Живёт в г. Кирове (Вятке), а с апреля по октябрь — в лесном посёлке Разбойный Бор.

ВАТНИК

Устал от шумного народа,
чужой в толпе, как конь в пальто:
их пресловутая “свобода”
по сказке — “то, не знаю что”.

“Не мы, а власти виноваты!” —
ну, так ведь это всегда...
Флаг в руки им,
а нам — лопаты,
но для свободного труда.

Недоболев,
недолечившись:
“Пока!” — борьбе сказал,
и вот
я снова здесь,
где воздух чище,
где лес,
река
и огород.

Здесь снова молодею, что ли,
вдали от городских мытарств —
ведь для меня целебней воли
нет никаких других лекарств.

Надел свой ватник и не хнычу,
родной глуши абориген,
лишь песню на ветру мурлычу
про “свежий ветер перемен”...

* * *

“Не позволяй душе лениться!”
Николай Заболоцкий

Сжимала кольцами беда
так, что уже сдавали нервы.
И в вазе зацвела вода
с засохшей веточкою вербы...
Сбежал от городской тоски
я вовремя и без оглядки,
когда черёмух лепестки
вовсю метелились на грядки.
Вдыхать я полной грудью рад,
чтобы избавиться от лени,
отцветших яблонь аромат
с бодрящей ноткою сирени.
Ещё пока цветёт ирга,
ещё не процвела рябина...
И эта майская пурга —
как избавление от сплина.
И сам я, словно ей в ответ,
хандру обрыдлую нарушу,
ведь мне цветенье это в цвет:
не в бровь, а в глаз,
точнее — в душу.

Чтоб, словно в детские года,
к реке — рыбачить и купаться!
Цветёт застойная вода,
но я не дам ей застояться.
И жизнь становится ясней,
когда уплачено сторицей
за радость предстоящих дней,
что не дадут душе лениться.
Пускай они наперечёт,
зато так веселы и бойки...
А горечь осень принесёт,
как вкус рябиновой настойки.

НА ДОРОЖКУ ИЗ РАЗБОЙНОГО БОРА

Время уходить и возвращаться...
На избу повесил я замок...
У всего на свете есть свой срок:
даже боль на время превозмог
в затишке от городских тревог
вволю волей надышаться смог,
потому не хочется прощаться...

Быстро время пролетело с мая,
уезжаю в город я,
 не чая
там душевный обрести покой...
До свиданья, родина лесная,
до свиданья, родина речная...
Вашей шири без конца и края
нету на чужбине городской.

СОЛДАТКА

— Чужая власть — с неё все взятки гладки,
пусть строит “развитой капитализм”...
У нас в деревне сплошь одни солдатки —
а этих “сплошь” осталось лишь пять изб.

Раз есть солдатки, были и солдаты,
и здесь чужие не нужны слова,
ведь наши мужики не виноваты,
что мать — вдова,
 и бабушка — вдова.

Налью себе настойки полстакана —
ещё покуда не дрожит рука:
и я — вдова,
 но я вдова с Афгана,
как наши все, одна, без мужика.

На разных войнах — обе мировые —
дед и отец сражались, как могли,
домой вернулись, но едва живые,
а мужа сразу в цинке привезли.

И вся страна от края и до края
сегодня выпьет за своих солдат.

Пусть власть чужая —
 да земля родная,
уставшая от боли и утрат.

Деревня от разрухи до разрухи
до дна всё выскребала из сусек,
когда остались в ней одни старухи,
то и её самой недолог век...

Мне в день мужской позвать кого бы в гости,
прижаться бы к надёжному плечу...
Свои все здесь — на стареньком погосте,
ну, а чужих и звать я не хочу.

* * *

Тихим утром так трудно светает —
не зажжётся никак окоём,
и последняя ведьма летает
над последним российским селом.
Ни огня.

И не брешут собаки.
Кроме ведьмы, ни баб, ни чудес.
В предрассветном теряется мраке
подступивший к околице лес.
А за ним не моря, а болота.
Сквозь решётки железных ветвей
не блеснёт куполов позолота
с колоколен безлюдных церквей...
Чуть светлеет небес амальгама,
но за нею не видно ни зги...
Лишь последняя ведьма упрямо
всё сужает,

 сужает круги...
Я проснулся...
 Мурашки по коже...
Но молюсь и прошу лишь о том:
“Милосердный и добрый мой Боже,
пусть всё это останется сном!”

* * *

Он давнишний мой друг — отставной генерал,
есть совместное детское фото.
Он в одной африканской стране воевал,
где они победили кого-то.

Да и сами мы вспомним немало чего,
выпив,
 чтоб не засохнуть от жажды:
в школьных драках я был посильнее его,
но друг с другом дрались лишь однажды.

Пьём сегодня за дружбу — стаканы полны.
Чистый спирт, словно кровь — не водица.
Пьём за то, что от самой отпетой шпаны
мы вдвоём умудрялись отбиться.

Ну, а раз мы на “ты” уже тысячу лет,
говорим обо всём без запрета,
потому-то и жду от него я ответ
на вопрос, что похуже ответа.

Друг на друга глядим, ничего не едим,
чистый спирт пьём, не дуя на воду.
“Просто будет война.

Просто мы победим.

И подарим им мир и свободу.

А уж если сражаться там каждый готов,
защищая горилку и сало,
ну, продержатся, может быть, пару деньков,
но поляжет народу немало...”

Генерал, помолчав, поднял тост за отца,
эта память со временем вровень —
тот под Киевом пал,

не успев до конца
обрубить там бандеровский корень.

Друг вздохнёт тяжело

и совсем замолчит,

я ему ничего не отвечу.

Спирт недóпитый ярко в стаканах горит,
завершив символически встречу.

И, запутавшись, рвётся неровная нить
нашей трудной, но честной беседы:
дело даже не в том, как нам их победить, —
как нам жить после этой победы?..